

23.05.2001

Мун Сара

Неуклюжие духи детской

Выставка Сары Мун "Застывшие"

Культура - 2001.
17-23 май. сб.

С.Мун. "Застывшая № 20"

Прежде чем стать легендой французской фотографии, Сара Мун была прославленной манекенщицей haute couture. Прежде чем в 19 лет прийти на подиум высокой моды, она брала уроки рисунка. А еще раньше, когда она была маленькой девочкой из Франции и училась в обычной школе в послевоенной Англии, наверняка играла в куклы. Почему бы и нет? В конце концов все маленькие девочки играют в куклы. Знаменитым фотографом моды она вернулась к этим куклам, чьи шифоновые платья стали больше напоминать ветошь старьевщика, чьи облупленные носы потеряли пикантную жизнерадостность. Казалось, перед объективом они ожили в последний раз, чтобы рассыпаться на кусочки после щелчка фотоаппарата, оставил на снимке последнее (и единственное) доказательство своего существования. Эти неуклюжие духи детской, извлеченные пред око "Полярида" из картонных коробок чуланов и антресолей, ничуть не напоминали

мерцание в зеркале стекающих с вешалок платьев, сфотографированных ею для французского "Vogue" в 1977-м. Те как раз больше походили на элегантные привидения английских замков. Здесь же вместо прозрачности тканей — очевидность грубых швов и торчащих пружин, вместо легкости — тяжелая телесность тряпичных рук и ног, вместо своеобразия воздушного полета — безвольная неподвижность завалившихся набок тел.

Сара Мун долго искала им имя, даже когда они уже были собраны в одну книгу. Их безымянность была органична, словно потеря памяти в старости. Их прозвища, еще не унифицированные до единой Барби, остались в растворившемся прошлом вместе с замусоленными слюнявчиками и измызгаными фартучками. Она назвала эти фото "Still", скрестив разом изысканную красоту натюрморта (still life) и ужас новорождения (still birth). Производным стали фотографии (still picture) — их коричневатый фон имитирует ветхость, которой они не обладают.

И как фотобумага симулирует время, так старые куклы демонстрируют жизнь, которую они не прожили.

Но мерцание этой несуществующей жизни столь же несомненно, как тревожная теплота при виде этих снимков. Последняя звучит как отдаленный сигнал узнавания, тем более странного, что мы-то видим и объекты, и фото впервые. В поисках источника мы вглядываемся в плоскость отпечатка, сетя то на бликующее стекло, то на отражающихся в нем зрителей, так некстати застывающих за нашей спиной. Пока не догадываемся, что раздражаться следует на себя, — это наш взгляд наделяет неопределенность формы тревогой колюще-го смысла, позволяющего опознать зияние в ноге игрушки как травму, обрекающую на мучительную неподвижность, а плесень (mox?) на графичном профиле статуи прочитать как несомненные знаки смерти.

Тут бы и вздохнуть с облегчением: все ужасное, как ему и полагается, оказывается привычным и нестрашным. К тому же все критики твердят о Саре Мун, что ее мир — это мир грех. Но сама Сара Мун вдруг скажет на мастер-классе (она проходили в рамках программы фотобиенale): "Иногда мои фотографии производят впечатление чего-то нереального, какой-то мечты. На самом деле для меня, как и для всех, я думаю, фотография — это встреча с реальностью. И фотография показывает мне, как я эту реальность вижу. Это вопрос резонанса, вопрос того, как отражается окружающий мир во мне и в тех фотографиях, которые я делаю. Годар как-то сказал, что, прежде чем увидеть, глаз должен услышать. Мне очень нравятся эти слова. И я думаю, что действительно в конечном итоге мы видим лишь то, что знаем".

Слова эти она обронит так же легко, как легко скользят кольца по ее узким пальцам, когда она автоматически то снимает, то надевает их. Встреча с реальностью для нее вовсе не означает, похоже, встречу с грэзи или даже с нашим собственным воображаемым. Встреча с реальностью для нее, кажется, — самое таинственное приключение, потому что никто, собственно, не может сказать с уверенностью, что за штука эта реальность и где она, черт возьми, начинается. И она ни больше ни меньше, как пытается исследовать эту реальность на грани ее с иллюзией, зафиксировать этот мгновенный

проблеск пограничья едва ли не в момент исчезновения. Ее работа фотографа здесь оказывается сродни занятию физика-экспериментатора, который фиксирует следы частиц микромира в момент их распада. Во всяком случае Сара Мун ведет зрителя к этой границе реальности вполне сознательно: с фотографиями старых кукол соседствуют снимки молодых купальщиц; рядом с чеканным профилем статуи — крупный план лица юноши. Но перед бесстрастным оком объектива, как и перед взглядом небытия, они пугающе схожи.

На мастер-классе, показывая фотографии из серии "Still", Сара Мун признается: "Очень интересно было наблюдать, как те живые модели, которых я ставила в кадр, начинали казаться такими же мертвыми и неподвижными, как манекены. Сначала я хотела сделать коллекцию снимков, посвященных детским игрушкам, — это была первоначальная концепция. Но затем она трансформировалась, и я перешла к более общему исследованию иллюзий. Это была попытка эксперимента с правдой и ложью, живым и мертвым, движущимся и неподвижным. Я делала этот проект по собственной инициативе, в первую очередь для себя".

Когда-то в одном давнем интервью английской журналистке она сказала, почему не хочет заниматься репортажем: "Люди забывают, какой жестокой может быть камера, — она зачастую, кажется, обнаруживает больше, чем безоружный глаз. Меня всегда интересовали толстяки и пожилые люди, но я не могу хитрить с ними. Поэтому репортаж вступает в противоречие с моими моральными принципами, в то время как мода — как раз то, что нужно". Похоже, что в серии "Still" Сара Мун приближается не только к исследованию иллюзий и реальности, но и к темам, которые ее всегда интересовали, но которые впрямую исследовать с помощью камеры слишком страшно, — к темам смерти и старости, боли и искалеченности. Старые куклы здесь возникают как самый подходящий объект — по крайней мере, они не испытывают боли от направленного на них зрачка объектива и не ведают стыда. Так кажется, пока не поймаешь взгляд куклы со сломанным бедром ("Инвалидность 2") — в ее взгляде так странно мешаются стоизм и очарование слабости.

Жанна ВАСИЛЬЕВА